

DOI: 10.15372/HSS20190106
УДК 930.1(470)“196/199”

Н.Г. КЕДРОВ

**НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГУЩИН
В ДИСКУССИЯХ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1960–1990-х гг. (II)***

г. Устюжна Вологодской обл.

Первая часть статьи опубликована в предыдущем номере (2018, № 4). Во второй части автор реконструирует позиции, которые занимал известный российский историк Н.Я. Гушин в дискуссиях 1960–1990-х гг. о сущности коллективизации. Одним из ключевых событий в контексте изучаемой проблематики являлась XVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Кишинев, 1976), на которой развернулись острые споры о социальной природе кулачества между В.П. Даниловым, утверждавшим, что кулак – это тот же крестьянин, и Н.Я. Гушиным, настаивавшим на принципиальном различии крестьянина и кулака. Впоследствии Гушин принял активное участие в выработке новых подходов к изучению коллективизации. На рубеже 1980–1990 х гг. он стал больше внимания уделять анализу политических аспектов данной темы и связал трудности аграрной политики с неверно выбранным курсом политической власти. При этом произошло его сближение с позициями, синхронно занимаемыми В.П. Даниловым.

Ключевые слова: историческая наука, аграрная историография, коллективизация, советская деревня, Н.Я. Гушин.

N.G. KEDROV

**NICKOLAY GUSCHIN
IN THE DISCUSSIONS ABOUT COLLECTIVIZATION IN 1960s – 1990s (II)**

The first part of the article was published in the previous issue (2018, N 4). This is its second part, which reconstructs the viewpoint of N. Ya. Gushchin, a famous Russian historian, in the collectivization debates of 1970s–1980s. A key event in the context of the studied issues was the XVI Session of the Symposium on Agrarian History of Eastern Europe (Chisinau, 1976), where sharp debates about kulaks' social nature took place between V. P. Danilov, who claimed that kulaks and peasants were the same, and N. Ya. Gushchin, who insisted on their fundamental differences. Later N. Ya. Gushchin took an active part in development of new approaches to study collectivization. At the turn of 1980s and 1990s he paid more attention to analyzing the political aspects of the problem and linked the agrarian policy's difficulties with the wrong course of political power. At the same time, he came closer to the views then expressed by V. P. Danilov.

Key words: historical science, agrarian historiography, collectivization, Soviet village, N. Ya. Gushchin.

В 1976 г. в небогатой на открытые дискуссии советской академической среде произошло событие, которое на долгие годы врезалось в память его свидетелей и участников. Спустя семнадцать лет М.А. Вылцан следующим образом вспоминал об этом: «В.П. Данилов вел постоянные споры с проф. В.М. Селунской по вопросам социальной сущности советского крестьянства. Один из этих споров развернулся на кишиневской сессии Всесоюзного аграрного симпозиума в 1976 г. Данилов отстаивал свое убеждение, что кулак – тот же крестьянин. Селунская и поддержавший ее сибирский

историк Н.Я. Гушин резко обрушились на него, доказывая, что кулачество – буржуазный эксплуататорский класс, что крестьянства в России во время революции фактически уже не существовало» [1, с. 299].

За неимением стенограммы самого мероприятия попытаемся реконструировать ситуацию вокруг этого идейного спора.

Интерес историков, возникший во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг., к изучению социальной структуры советского общества, имел в своей основе как научные, так и политические предпосыл-

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

Николай Геннадьевич Кедров – независимый исследователь, канд. ист. наук, e-mail: nk149@yandex.ru.
Nikolai G. Kedrov – independent researcher, Candidate of Historical Sciences.

ки. Бесспорно, он опирался на теоретические установки исследовательской программы изучения советской истории второй половины 1950-х гг. Рассмотрение истории советского общества как закономерного процесса формирования социалистического способа производства рано или поздно привело бы к вынесению на повестку дня текущих задач советской исторической науки, связанных с анализом экономических и социальных процессов. Этому способствовало и идеологическое обоснование руководством страны своего политического курса. На рубеже 1960–1970-х гг. Л.И. Брежневым был заявлен тезис о построении в СССР «развитого социализма». Согласно принятой тогда догме по мере приближения к коммунизму должно отмирать всякое социальное расслоение общества. Формально советское общество считалось бесклассовым, но в действительности социальные различия сохранялись. Поэтому на теоретическое разрешение этого противоречия были направлены лучшие умы страны.

Состоялся ряд конференций по проблемам социальной структуры советского общества, а кафедрой истории СССР советского периода МГУ готовился коллективный труд по данной теме. В.М. Селунская, как заведующая кафедрой, руководила этой работой. На кишиневскую сессию аграрного симпозиума ею был заявлен доклад по историографии изучения социального строя советской доколхозной деревни. Среди прочих положений ее тезисы включали и постановку вопроса о социальной природе кулачества: «Многие сложные понятия, характеризующие социальную структуру доколхозной деревни, употребляются разными историками в разном значении. До сих пор в понятие „советское крестьянство” одни включают кулачество, а другие считают его частью сельской буржуазии» [2, с. 52]. Трактовка кулаков как части буржуазного класса отталкивалась от трудов В.И. Ленина, который таким путем доказывал активное развитие капиталистических начал в сельском хозяйстве дореволюционной России. В советской науке она была официально-общепринятой, разделяла эту точку зрения и В.М. Селунская.

В.П. Данилов считал кулаков социальным слоем внутри класса крестьянства. Его позиция выростала из понимания им социально-экономических отношений в доколхозной деревне как патриархальных. Поэтому очевидно, что вышеуказанное мнение В.М. Селунской, а также ее требование отказаться от вариативности оценок по этому вопросу вызвали возражения у В.П. Данилова. Для Н.Я. Гущина вопрос о понимании социальной природы кулачества также был краеугольным камнем в его собственных теоретических конструкциях. Ведь на тезисе об экономической силе и политической активности кулака в Сибири зиждилась его концепция региональных особенностей процесса коллективизации в сибирской деревне. В силу этого с успехом используемая им ранее примирительная тактика в данном вопросе оказалась для историка невозможной.

Разумеется, к консенсусу участники спора прийти не смогли. В работах В.М. Селунской кулачество

продолжало рассматриваться как буржуазный эксплуататорский класс [3, с. 12, 25, 28]. То же можно сказать и о научных трудах Н.Я. Гущина конца 1970-х – 1980-х гг. В частности, такая трактовка кулачества была дана им в 3-м томе обобщающего коллективного труда «История крестьянства Сибири». Н.Я. Гущин писал: «Последний эксплуататорский класс бросился в отчаянную ожесточенную борьбу, пытаясь остановить наступающий социализм» [4, с. 57]. В.П. Данилов свою позицию аргументированно изложил в монографиях по социальной истории доколхозной деревни. Он доказывал, что в силу неразвитости капиталистических отношений в российской деревне кулачество еще окончательно не выделилось из крестьянского социума, не превратилось в того фермера-предпринимателя, которого принято считать частью буржуазного класса [5, с. 347].

Исходя из результатов возникшего спора, не следует, однако, считать, что Н.Я. Гущин перешел в лагерь консервативной реакции. Случившееся в Кишиневе свидетельствовало прежде всего о его конфликте с В.П. Даниловым. Дело в том, что мнение Данилова о социальной природе кулака на тот момент разделяли даже не все его коллеги в секторе социалистического преобразования сельского хозяйства. Тогда же в 1976 г. во время обсуждения на заседании сектора доклада Н.А. Ивницкого «Ликвидация кулачества как класса в советской историографии» его автору был задан вопрос: «Кулачество – крестьянство или самостоятельный класс?». На него докладчик однозначно ответил: «Кулачество – сельская буржуазия, до ликвидации – класс»¹.

Тем не менее некоторый «дрейф» оценок в сторону даниловской трактовки заметен уже в сообщении М.А. Вылцана «К вопросу о терминологическом значении слова „крестьянство”», обсуждавшемся в апреле 1984 г. на заседании сектора социалистического преобразования сельского хозяйства. В нем историк дал противоречивую оценку социальной природы кулачества. В протоколе данного заседания зафиксировано: «С проведением коллективизации крестьянских хозяйств был ликвидирован последний эксплуататорский класс – кулачество. Крестьянство стало социально однородным классом». Затем, отвечая на один из вопросов, Михаил Августович подчеркивал: «Считаю, что кулацкое хозяйство к крестьянскому относится лишь как отрасль хозяйства, но не в социально-экономическом смысле».

В ходе последующего обсуждения мнения присутствующих вновь разделились. В.П. Данилов и В.В. Кабанов стали доказывать крестьянскую сущность кулака, тогда как Н.А. Ивницкий настаивал на том, что «кулак тот же труженик, хотя одновременно и эксплуататор. Говорить о крестьянстве как о едином классе в период империализма и в переходную эпоху

¹ Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 862. Л. 35 (Протокол заседания сектора социалистического преобразования сельского хозяйства. 11 мая 1976 г.).

нельзя»². Впрочем, от однозначности ранее даваемого им определения в этой реплике не осталось и следа.

Определенная рефлексия над указанной проблемой заметна и в некоторых работах Н.Я. Гущина. Например, в историографической статье, посвященной анализу различных аспектов изучения социальной структуры сибирской деревни, он не только приво-дил ленинское определение кулачества как «самого многочисленного из буржуазных слоев», но также писал о том, что и В.И. Ленин выступал за иную, более мягкую политику к кулаку, чем по отношению к помещикам и капиталистам [6, с. 16–17]. В совместной книге Н.Я. Гущина и В.А. Ильиных содержится уже следующая характеристика этого социального слоя: «По основным классообразующим признакам кулачество – класс сельской буржуазии, по происхождению и занятиям большинства кулаков физическим трудом в сельском хозяйстве, обиходу жизни они близки к крестьянству» [7, с. 16]. Фактически эта трактовка была не столь уж далека от озвученной в сообщении М.А. Вылцана.

Любопытно, что примерно в эти же годы Н.Я. Гущин неоднократно (26 января 1982 г., 7 февраля 1984 г., 27 мая 1986 г.) выступал на заседаниях сектора истории советского крестьянства и сельского хозяйства Института истории СССР АН СССР, представляя рукописи различных трудов сибирских историков. В целом отзывы сотрудников сектора на его выступления носили благожелательный характер. В.П. Данилов, правда, на этих заседаниях либо отсутствовал, либо участия в обсуждении не принимал³.

В конце 1980-х гг. в связи с перестройкой и переосмыслением советского исторического опыта тема коллективизации стала предметом широкого общественного интереса. К этому времени помимо двух уже существующих направлений сложилось третье – радикально-критическое – направление в осмыслении событий «великого перелома». Изначально представленное писателями и публицистами, оно приобрело немало сторонников и в академических кругах.

Большинство ведущих историков-аграрников из поколения шестидесятых годов, признавая необходимость пересмотра концептов советской историографии, не разделяли в полной мере мнение радикальной части общественности. Обобщенно их позиция сводилась к признанию необходимости в конце 1920-х гг. глобальной реформы аграрного строя. В то же время они категорически отрицали сталинские методы осуществления «революции сверху» [8, с. 377].

В силу того что представители консервативного направления к этому времени оказались дискредитированы, основной спор по поводу новой версии прочтения коллективизации разразился между историками-шестидесятниками и представителями критического

направления. Об этом однозначно свидетельствуют материалы дискуссий о коллективизации, прошедших в 1988 г. в научно-исследовательских институтах Москвы и Новосибирска [9; 10].

Спор о коллективизации порой приобретал непри-вычно острый для академической среды характер. Показательна в этом отношении пикировка колкостями между Н.Я. Гущиным и секретарем Союза советских писателей Ю.Д. Черниченко в ходе дискуссии, состоявшейся в редакции журнала «История СССР». Историк призывал к сдержанности оценок в процессе переосмысления «великого перелома», с опорой на факты, и стремлению избежать односторонних трактовок. Он заявлял: «Если мы будем писать историю коллективизации, основываясь только на взглядах из-за тюремных решеток или лагерей, то не стоит за это и браться», справедливо указывая на то, что до сих пор еще живы участники создания колхозов. Предложение историка заключалось в том, чтобы провести широкое социологическое исследование, суммирующее различные взгляды.

На это Ю.Д. Черниченко, весьма критически настроенный по отношению к советским историкам, с явным сарказмом замечал: «История крестьянства в СССР – история жгучая, требует мужества, требует и для разработки своей таких моральных качеств, какие косметическим путем из трубадуров коллективизации не получить». В свою очередь Гущин оппонировал Черниченко в оценке литературного образа Макара Нагульного, которого тот «окрестил» «идеологизированным опричником». Как бы намекая на неверную трактовку Черниченко персонажа, созданного М.А. Шолоховым, историк замечал: «В деревне были не только деклассированные элементы, как дед Щукарь. Там были и Нагульновы, которые искренне верили в идею, которая им была дана, иной они не знали. Они были глубоко убеждены, что можно быстро переделать сознание людей» [10, с. 8–9, 26].

В ходе той же дискуссии 1988 г. Ю.А. Мошков и Н.Я. Гущин в разной степени тональности, но используя практически одинаковые аргументы, оспаривали концепцию коллективизации, предложенную тогда В.П. Даниловым, который вдруг объявил кооперацию прямой дорогой в социализм. Отказ Сталина использовать этот путь развития, по мнению Данилова, «не был запрограммирован ни социалистической теорией, ни объективными обстоятельствами» [10, с. 16].

Возражения Н.Я. Гущина и Ю.А. Мошкова сводились к двум основным тезисам. Первый из них заключался в том, что существующие в советской деревне 1920-х гг. различные формы кооперации не вполне соответствовали социалистическим отношениям. «Судя по всему, кооперативное движение в конце 20-х гг. пребывало на недостаточно высокой стадии, еще не достигло того уровня, который можно назвать развитой фазой кооперативного строительства», – читаем у Ю.А. Мошкова [10, с. 23]. «Всего проще сказать, что любая кооперация – социализм. Но кооперация это и сельпо, и коммуна. В разные исторические пе-

² Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1707. Л. 27–30 (Протокол заседания сектора советского крестьянства и сельского хозяйства. 10 апреля 1984 г.).

³ Там же. Д. 1519. Л. 7–12; Д. 1707. Л. 14–17; Д. 1829. Л. 41.

риоды кооперация не была социалистической. <...> Ясно, что нельзя сбыто-снабженческую и другие простейшие формы кооперации рассматривать только как подготовительные ступени производственных форм-колхозов», – подчеркивал Н.Я. Гуцин [10, с. 24]. Вторым тезисом состоял в том, что позицию Сталина в его споре с Н.И. Бухариным на тот момент поддерживало большинство членов ЦК и рядовых партийцев.

Интересно, что первый использованный в споре аргумент вытекал из работ самого В.П. Данилова по истории советской доколхозной деревни. На более раннем этапе своего творчества историк всячески подчеркивал вовлеченность кооперации в сферу социально-экономических отношений мелкотоварного крестьянского производства. Однако затем в поисках идеальной (нереализованной) формулы построения социалистических отношений в СССР он отошел от данной трактовки. Его же коллеги по «цеху», напротив, взяли на вооружение данный тезис. Рассмотренный эпизод не только свидетельствует о наличии некоторых расхождений в трактовке узловых вопросов в лагере историков-шестидесятников, но и является показателем осуществляемой ими серьезнейшей работы по переосмыслению данной проблемы.

Ряд работ Н.Я. Гуцина рубежа 1980–1990-х гг. дают возможность увидеть основные линии, по которым происходил этот процесс в его творчестве (см.: [9; 11; 12]). Прежде всего, в этих статьях обращает на себя внимание постепенный его отход от объяснения необходимости коллективизации совокупностью социально-экономических факторов (низкой технической оснащенностью деревни 1920-х гг., слабой товарностью крестьянского хозяйства, социальным расслоением и ростом антагонизмов в крестьянской среде). Теперь ученый все больше внимания обращает на политические аспекты темы. В связи с этим он рассматривает вехи ревизии И.В. Сталиным своих взглядов на крестьянское хозяйство. В частности, Н.Я. Гуцин отмечал, что после поездки генсека в Сибирь в 1928 г. коллективизация превратилась для него из цели в средство, стала оцениваться не как отдельная задача социалистического строительства, а как необходимая мера для решения текущих проблем снабжения страны хлебом.

При этом Н.Я. Гуцин задавался вопросом о том, почему в споре о судьбах страны победил Сталин, а не его оппоненты в партии. Отвечая на него, Н.Я. Гуцин указывал, что предложенный Сталиным вариант решения экономических проблем в большей степени соответствовал этосу основной массы членов ВКП(б), для которых лозунг «бей кулака» был понятней тактики и лавирования, «военнокоммунистические» методы руководства приемлемее уступок, сделанных капиталу в период нэпа.

Иными, чем в прежних работах, стали оценки Н.Я. Гуцина, касающиеся расстановки сил в порожденном коллективизацией общественно-политическом конфликте. Если раньше он писал о «борьбе кулачества против коллективизации», то теперь отмечал, что поскольку «раскулачивались» значительные слои

трудовых крестьян», то, соответственно, это вызывало их недовольство, а нередко противодействие. Однако, в отличие от В.П. Данилова, который, участвуя в упомянутой выше дискуссии, утверждал, что даже поддержка коллективизации беднотой носила вынужденный характер, Н.Я. Гуцин в своих работах подчеркивал широкое распространение в крестьянской среде накануне коллективизации уравнилельских настроений. Культурная отсталость страны, мелкобуржуазность основной массы населения и обеспечили, по мнению ученого, как поддержку курса на коллективизацию, так и формирование социально-политической системы сталинизма.

Дальнейшая эволюция взглядов Н.Я. Гуцина на коллективизацию была связана с признанием им большинства оценок В.П. Данилова. Свидетельством этого может служить последняя, изданная уже посмертно, книга Николая Яковлевича «„Раскулачивание“ в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия». На ее страницах историк назвал курс на коллективизацию «волонтаристским актом сталинского руководства». О социальной поддержке тех или иных акций власти в книге не шло и речи. Н.Я. Гуцин даже признал правоту своего оппонента в давнем споре о социальной природе кулачества. Теперь Н.Я. Гуцин утверждал, что «кулачество – крупное крестьянство, его верхний слой» [13, с. 39].

В современной литературе эти перемены в позиции Гуцина обычно рассматриваются как факт окончательной победы даниловской историографической революции. С этой оценкой в целом нельзя не согласиться. Признание правоты оценок В.П. Данилова крупнейшим на тот момент региональным историком коллективизации, разумеется, имело символическое значение. Однако любопытно, что «точка» единогласия Гуцина и Данилова различными исследователями определяется по-разному. Так, С.А. Есиков утверждал, что Николай Яковлевич поддержал даниловскую концепцию «кооперативной коллективизации» как способ разрешения проблем аграрного развития страны [14, с. 13]. В.А. Ильиных же писал о том, что точка зрения В.П. Данилова и Н.Я. Гуцина была связана с признанием перспективы в «поступательном развитии крестьянского хозяйства на базе нэпа» [15, с. 225].

При всей кажущейся схожести этих формулировок различие между ними все же существует. В.П. Данилов действительно считал возможности мелкого крестьянского хозяйства 1920-х гг. неисчерпанными, но при этом указывал на их ограниченность. «Мелкое крестьянское хозяйство и социализм разделяют целый ряд стадий социально-экономического и культурного развития», – писал ученый [16, с. 816]. Нереализованный проект аграрной реформы по А.В. Чапанову, он отличал как от «коллективизации по-сталински», так и от принципов функционирования экономики эпохи нэпа.

В начале 1990-х гг. Н.Я. Гуцин пересмотрел свои прежние взгляды на потенциал крестьянского хозяйства. Если еще в конце 1980-х гг. он фиксировал вни-

мание на замедлении темпов экономического развития в конце 1920-х гг. как объективных предпосылок завершения процесса восстановления народного хозяйства страны, то теперь связывал эти трудности с неверно избранным политическим курсом власти по отношению к деревне (ограничение предпринимательских слоев, «фаворитизация» бедноты). По его мнению, «сталинский „теоретический“ коренной поворот во взглядах на крестьянское хозяйство противоречил реальному положению дел в сельском хозяйстве» [17, с. 131–133]. Исходя из этого, исследователь делал вывод о возможности и желательности продолжения развития экономики на основе нэповской модели.

Этот небольшой нюанс в оценках историками реалий и перспектив развития советского сельского хозяйства не имел критического значения для формирования в 1990-е гг. новой парадигмы коллективизации в российской исторической науке. Однако он закладывал все же различные векторы дальнейшего осмысления темы. Ответ В.П. Данилова на вопрос о возможностях экономики нэпа переносил основной акцент исследования в сферу политической истории и был связан с определением тех сил, которые могли бы осуществить позитивную программу аграрных реформ. Трактовка же этой проблемы, данная Н.Я. Гуциным, нацеливала на поиск альтернатив непосредственно в сфере советского народного хозяйства.

Как известно, П. Бурдые считал, что подлинный интеллектуализм состоит в том, чтобы уметь наладить сотрудничество, сохраняя при этом точку разрыва. Гибкостью мышления, способностью видеть новое и меняться самому Н.Я. Гуцин обладал в полной мере. Его место в развитии отечественной историографии советского крестьянства чем-то напоминает роль, сыгранную первыми московскими князьями в судьбах средневековой Руси. Словно правитель, оказавшийся на далеком уделе и наблюдавший за схваткой старших братьев, Н.Я. Гуцин с высоты своего красного кресла (до наших дней сохранившегося в памяти учеников и коллег как атрибут его непререкаемого авторитета в возглавляемом секторе) внимательно следил за дебатами историков о коллективизации. Будучи активным участником этих споров, он проявил себя мудрым и прагматичным «политиком». Поддерживая победителей, при этом он оставался в приемлемых отношениях с побежденными. В его собственной позиции почти всегда существовала точка расхождения, предполагавшая возможность компромисса и с теми, и с другими.

Говоря о вкладе Н.Я. Гуцина в формирование в Новосибирске школы аграрных исследований, следует отметить не только организационные и дипломатические качества ее создателя. Н.Я. Гуцин был подлинным ученым. Его идеи и методологические подходы прошли проверку временем. Отметим здесь лишь несколько такого рода аналитических структур, присущих его творчеству, а ныне ставших своего рода «визитной карточкой» новосибирских исследователей-аграрников. Во-первых, это интерес к изучению

процессов большой длительности (экономических, социальных, демографических). Во-вторых, рассмотрение коллективизации в контексте генезиса социальной структуры советского общества. В-третьих, внимание к проблемам социального и социокультурного перерождения российского крестьянства под влиянием судьбоносных перемен в жизни страны. Во многом наличие этих универсальных сюжетов в круге исследовательских задач новосибирской аграрно-исторической школы помогло ей выйти на передний край современных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015. 743 с.
2. *Селунская В.М.* Актуальные вопросы изучения социального строя советской доколхозной деревни (новейшая историография темы) // XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников: XVI сессия Симпозиума по изучению проблем аграрной истории: тез. докл. и сообщ. М., 1976. С. 48–52.
3. *Селунская В.М.* Изменение социальной структуры советской деревни. М., 1979. 63 с.
4. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.): кол. моногр. / отв. ред. Н.Я. Гуцин. Новосибирск, 1983. 390 с.
5. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. 358 с.
6. *Гуцин Н.Я.* Преобразование социальной структуры советской сибирской деревни (некоторые проблемы историографии) // Социальная структура сибирской деревни в период строительства и совершенствования развитого социализма: сб. науч. тр. Новосибирск, 1984. С. 3–40.
7. *Гуцин Н.Я., Ильиных В.А.* Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. 332 с.
8. *Мерль Ш.* Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 373–387.
9. «Великий перелом» в деревне (дискуссия по проблемам коллективизации) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1989. Сер. История, филология и философия. Вып. 1. С. 3–36.
10. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–62.
11. *Гуцин Н.Я.* Коллективизация сельского хозяйства (некоторые дискуссионные проблемы) // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: XXII сессия Всесоюз. симп. по проблемам изучения аграрной истории: тез. докл. и сообщ. М., 1989. С. 23–27.
12. *Гуцин Н.Я.* Коллективизация сельского хозяйства Сибири (дискуссионные проблемы и уроки) // Актуальные проблемы истории советской Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 1990. С. 140–169.
13. *Гуцин Н.Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. 158 с.
14. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. 246 с.
15. *Ильиных В.А.* Коллективизация деревни: проекты и реальность // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: учен. зап. М., 2013. Вып. 8. С. 225–232.
16. *Данилов В.П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке: избр. труды. М., 2011. Ч. 1. С. 801–861.
17. *Гуцин Н.Я.* К вопросу об «исчерпании» возможностей мелкоотварного крестьянского хозяйства в конце 20-х годов // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991. С. 131–133.

REFERENCES

1. Babashkin V. V. (ed.) Modern peasant studies and agrarian history of Russia in the XX century. Moscow, 2015, 743 p. (In Russ.)
2. Selunskaya V. M. Actual issues of studying the Soviet village social system before collective farms (the recent historiography on the topic). *XXV s'ezd KPSS i zadachi istorikov-agrarnikov. XVI sessiya Simpoziuma po izucheniyu problem agrarnoy istorii: tezisy dokladov i soobshcheniy* Moscow, 1976, pp. 48–52. (In Russ.)
3. Selunskaya V. M. Changing the Soviet village social structure. Moscow, 1979, 63 p. (In Russ.)
4. Gushchin N. Ya. (ed.) Siberian peasantry during socialism building (1917–1937). Novosibirsk, 1983, 390 p. (In Russ.)
5. Danilov V. P. Soviet village before collective farms: social structure and social relations. Moscow, 1979, 358 p. (In Russ.)
6. Gushchin N. Ya. Transformation of the Soviet Siberian village social structure (some problems of historiography). *Sotsial'naya struktura sibirskoy derevni v period stroitel'stva i sovershenstvovaniya razvitogo sotsializma*. Novosibirsk, 1984, pp. 3–40. (In Russ.)
7. Gushchin N. Ya., Il'inykh V. A. Class struggle in the Siberian village (1920s–mid 1930s). Novosibirsk, 1987, 332 p. (In Russ.)
8. Merl' Sh. A glance from the West on the Soviet historiography of agriculture's collectivization. *Rossiya v XX veke: sud'by istoricheskoy nauki*. Moscow, 1996, pp. 373–387. (In Russ.)
9. «Great crisis» in village (discussion on collectivization problems). *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Ser. Istoriya, filologiya i filosofiya*, 1989, no. 1, pp. 3–36. (In Russ.)
10. Collectivization: sources, essence, consequences. A «round table». *Istoriya SSSR*, 1989, no. 3, pp. 3–62. (In Russ.)
11. Gushchin N. Ya. Collectivization of agriculture (some debatable problems). *Vzaimosvyazi goroda i derevni v ikh istoricheskom razviti*. *XXII sessiya Vsesoyuznogo simpoziuma po problemam izucheniya agrarnoy istorii: tezisy dokladov i soobshcheniy*. Moscow, 1989, pp. 23–27. (In Russ.)
12. Gushchin N. Ya. Agriculture collectivization in Siberia (debatable problems and lessons). *Aktual'nye problemy istorii sovetskoy Sibiri*. Novosibirsk, 1990, pp. 140–169. (In Russ.)
13. Gushchin N. Ya. “Dekulakization” in Siberia (1928–1934): methods, stages, socio-economic and demographic consequences. Novosibirsk, 1996, 158 p. (In Russ.)
14. Esikov S. A. The Russian village during the new economic policy. On a problem of alternatives for Stalin collectivization (the Central Chernozem region data). Moscow, 2010, 246 p. (In Russ.)
15. Il'inykh V. A. Countryside collectivization: projects and reality. *Krest'yanovedenie. Teoriya. Istoriya. Sovremennost': uchenye zapiski*. Moscow, 2013, vol. 8, pp. 225–232. (In Russ.)
16. Danilov V. P. Collectivization of agriculture in the USSR. *Danilov V. P. Istoriya krest'yanstva v Rossii v XX veke: izbrannye trudy*. Moscow, 2011, pt. 1, pp. 801–861. (In Russ.)
17. Gushchin N. Ya. An issue of „exhaustion” of possibilities of a small-scale country economy in the late 1920s. *Rossiya nepovskaya: politika, ekonomika, kul'tura*. Novosibirsk, 1991, pp. 131–133. (In Russ.)

Статья принята редакцией 27.12.2018